

В.Н. Адаев

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ЭВЕНКИ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ: МАЛАЯ ГРУППА НА ПЕРИФЕРИИ ЭТНИЧЕСКОГО АРЕАЛА¹

Впервые представлена обобщающая информация по истории и культуре эвенков Нижнего Прииртышья. Сопоставление различных источников позволило аргументированно утверждать, что в последние десятилетия XIX в. несколькими семьями эвенков Лихачевых общей численностью 2–3 десятка человек было осуществлено переселение из Туруханского края в бассейн Демьянки и Туртаса. Целью миграций был поиск свободных промысловых угодий. Переселенцы на начальном этапе характеризовались высоким уровнем сохранности традиционной культуры, вели кочевой образ жизни, их главными занятиями были транспортное оленеводство и охотничий промысел. Легкость проникновения данной группы на уже заселенную другими сибирскими народами территорию была обусловлена освоением незанятых ареалов водораздельных болот. Ввиду малочисленности эвенкийский коллектив был вынужден с самого начала вступать в брачные связи с представителями соседних народов. Этнические особенности традиционной культуры эвенков и национальный язык к концу XX в. оказались утрачены практически полностью. Однако этническая идентичность продолжала сохраняться благодаря определенному набору прочных культурных барьеров (границ), состав которых со временем претерпевал изменения.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, этническая идентичность, культурные границы, миграция, кочевники, таежное оленеводство.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-100-109

Введение

Среди коренных народов Севера эвенки по праву считаются самым широко расселенным этносом. Обычно границы освоенной ими территории в Сибири очерчиваются Амуром и Охотским морем на востоке, Таймыром и Обь-Енисейским водоразделом на западе (см., напр.: [Василевич, 1969, с. 3]). На самом деле западным авангардом эвенков стала группа, расселившаяся в бассейне правых притоков Нижнего Иртыша — Демьянки и Туртаса (нынешний Уватский район Тюменской области). Относительно их появления в Нижнем Прииртышье наиболее смелое предположение сделал В.А. Туголуков. В одной из работ он пишет о вероятном тунгусском происхождении демьянского «князца» Бояра, присягнувшего на верность Ермаку. Исследователь даже попытался подсчитать гипотетическое число его соплеменников [Туголуков, 1985, с. 244–245].

Однако происхождение современных эвенкийских жителей Демьянки и Туртаса определенно связано уже с последними десятилетиями XIX в. За более чем вековой период они оставили заметный след в жизни региона и даже оказались запечатлены в топонимии: около покинутого п. Калемьяга в среднем течении Демьянки есть озеро под названием Тунгусское. Сведения в научной литературе об их истории и особенностях культуры довольно отрывочны и немногочисленны. Более того, периодически в публикациях появлялись неверные данные о вероятном исчезновении демьянско-туртасской группы эвенков [Туголуков, 1984, с. 400]. В связи с этим приобретают актуальность исследования обобщающего характера, посвященные данной локальной общности.

Цель настоящей работы — рассмотреть феномен длительного сохранения своей идентичности малочисленной группой демьянско-туртасских эвенков, состоявшей продолжительное время в тесных контактах с представителями соседних народов. В задачи исследования входит: а) реконструкция истории переселения эвенков на рассматриваемую территорию, их фамильного состава и примерной численности; б) характеристика особенностей культуры локаль-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «36. Историческая память и российская идентичность», проект «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика».

ного коллектива и их трансформации на протяжении истории; в) выявление характера межэтнических взаимоотношений и факторов длительного сохранения идентичности. Исследование осуществлено с опорой на историко-сравнительный метод и системно-функциональный подход. Хронологические рамки включают временной отрезок с 1880-х гг. до современности.

Основной источниковой базой исследования послужили полевые материалы, собранные в период с 2000 по 2012 г. на территории Уватского, Кондинского, Тобольского и Вагайского районов Тюменской области, а также Усть-Ишимского, Тевризского и Тарского районов Омской области. Кроме того, были использованы краткие сведения из архивных материалов и данные ряда научных публикаций, наиболее ранние из которых имеет смысл представить подробнее.

Первая по времени достоверная информация об эвенках в рассматриваемом регионе принадлежит венгерскому этнографу Я. Янко. Во время экспедиции 1898 г. он встретил в районе ю. Соровских в низовьях Демьянки тунгуса — очень маленького, смуглого, кареглазого человека, «робко смотревшего на людей», которого присутствовавшие там же демьянские остяки охарактеризовали исследователю в качестве язычника [Janko, 2000, p. 125]. Следующие по времени сведения о присутствии эвенков на территории Демьянки и Туртаса (1900–1910-е гг.) принадлежат уездному исправнику И.А. Пирожникову. Он получил эту информацию из вторых рук — от юганских хантов. Автор ограничился краткими замечаниями о наличии некоей группы тунгусов, обитающей в верховьях р. Б. Туртас, ведущей кочевой образ жизни и занимающейся в большей степени оленеводством и звероловством [Пирожников, 2002, с. 102].

Наиболее информативными для нас являются сведения конца 1920-х гг., когда различными исследователями проводились работы по оценке хозяйственного значения таежных угодий нынешнего Уватского района. Так, в 1926 г. Омской переселенческой партией была инициирована научно-исследовательская экспедиция в верховья р. Демьянки. В составе группы были, в частности, почвовед В.И. Баранов, краевед Т.П. Белоногов и зоолог И.Н. Шухов. Все три автора описывают встречу на р. Урна с тунгусской семьей из пяти человек, которая буквально только что потеряла последних домашних оленей. Подробно описал хозяйство, быт и историю переселения этой семьи И.Н. Шухов, он же сделал несколько фотоснимков и рисунков этнографического содержания (оригиналы фотоматериалов хранятся в архиве МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург²) [Баранов, 1928; Белоногов, 1928; Шухов, 1927, 1928].

В 1926–1927 гг. по заданию Тобольского Комитета Севера проводил экономико-этнографическое обследование нижней и средней Демьянки охотовед В.В. Васильев, он представил данные о численности, составе и расселении 11 семей тунгусов-оленьеводов в междуречье Демьянки и Туртаса, привел краткие сведения об их образе жизни. При этом исследователь ошибочно включил в число эвенков несколько хантыйских семей, а эвенкийскую фамилию Лихачевы указал как Нихачевы [Васильев, 1929, с. 32]. Сведения о той же группе оставил зоолог Л.Г. Капланов, работавший несколько лет охотоведом на Демьянке: он писал, что в 1932 г. в среднем течении Туртаса проживали 4 семьи оленных тунгусов и 3 хозяйства остяков [1935, с. 123]. Эта информация существенно дополняется дневниковыми записями зоолога, которые хранятся в Российском государственном архиве экономики [РГАЭ, ф. 342, оп. 3].

История переселения, фамильный состав и численность группы

Подробному анализу реконструированного процесса переселения планируется посвятить отдельную работу, здесь остановимся на основных сведениях и их обосновании.

В ходе полевых исследований среди современных потомков демьянско-туртасских эвенков было записано семейное предание о былой миграции их предков. Его наиболее полная версия представляет следующий рассказ: *«Ефрем Лихачев вел на Демьянку четыре рода — род Лихачевых, Самсоновых, Кинтильяровых и Карауловых. Четыре рода, он повел сюда их, на запад. Это было в 1800-х годах или в 1700-х даже. Шли они всю зиму. С Енисея шли. Не было корма, дикого оленя не было, пропитание тяжело было добыть. Они пошли искать богатые места, двигались все на запад и на запад, зашли в Туртасскую стену. Остановились ночевать. Ночевали они, хотя и оленей много вели, обычно в рямах, где ветрами не продувает. Кинтильяров-младший пошел посмотреть оленей диких, чтобы добыть на мясо. Пошел по следу — лежанки (лоси живут). А по Енисею-то, видать, лосей-то и нету, они ни разу не ви-*

² В аннотациях к фото имя эвенка указано неверно — «Каительян» и «Коительян» вместо «Кантельян», как его называет в своих статьях И.Н. Шухов. В действительности же это искаженное христианское имя Кинтильян, которое и будет использоваться далее в тексте.

дели этих лесей. Лежанки большие, пять оленей — одна лежанка. Он испугался, возвращается. Остальные как раз шалаши делали. На каждый род свой шалаш — по 5–6 человек. Он им рассказывает, мол, олени здесь крупные. Нашел: лежанка — как наш шалаш, такая, — один лежал. Говны — как кулак мой (у оленя же мелко, а у лося-то — во!). Те не поверили, пошли. И находят лежанок 5–6 (поси-то зимой тоже табунами держатся). Давай гонять. Добыли — 4 рода жили чуть ли не месяц. Человек по 5–10 в роду было, только Самсоновых двое. Ну, много народу было. Вот они в Туртасской стене и остановились. Там, где они остановились, Югарас место называется по речке. Потом поселок такой появился. И пошли они селиться в тех местах, и Туртас вот они образовали» [ПМА, 2003].

За исключением сомнительных указаний на большую древность переселения и отсутствие у эвенков знаний о лесе, данное предание несет в себе довольно конкретные исторические сведения. Дальнейшие полевые сборы и изучение информации ранних научных публикаций позволили эти сведения в значительной степени уточнить. В итоге установлено, что в предании на самом деле говорилось о трех семьях эвенкийских оленеводов, главами которых были Лихачевы Павел Ефремович (или его отец), а также Самсон и Кузьма Константиновичи. В числе этих же переселенцев или чуть позже в верховья Демьянки пришла еще семья Лихачева (?) Кинтельяна Ефремовича, которая потом проживала несколько обособленно к востоку от остальных. Соответственно из четырех названий родов, упомянутых в предании, верным является лишь одно — Лихачевы. За «родом Самсоновых» скрывался Самсон Лихачев и его родственники, за «Кинтельяновыми» — семья Кинтельяна, «Карауловы» же — это васюганские ханты, которые стали спутниками эвенков в их переселении.

Переселение в общем контексте рассказа предстает как довольно стихийный и неспешный процесс, при этом четких воспоминаний о каких-то промежуточных точках маршрута и длительном проживании на них не сохранилось. Тем не менее можно утверждать, что путь эвенков пролегал через бассейн р. Васюган, где они на какое-то время задержались. В пользу этого говорит состав эвенкийских спутников, прибывших с ними на новое место жительства, — это васюганские ханты Карауловы, а также Матыковы (они же Ваговские) и Куликовы. Кроме того, с Васюгана Лихачевы привезли двух жен-хантыек. Воспоминания о том, что дед или прадед приехал именно с Енисея, звучали в воспоминаниях нынешних потомков практически всегда, в единичных случаях зафиксированы важные уточнения: «*пришли из-за Енисея*», «*с Подкаменной Тунгуски*». Этому соответствует сообщение эвенка Кинтельяна, что его отец ранее проживал в Туруханском крае, далее они ушли в Нарымский край и уже оттуда перекочевали к верховьям Демьянки [Шухов, 1928, с. 94].

Томский этнограф И.Е. Максимова указывает, что эвенкийский род Кима, к которому относились Лихачевы, кочевал с конца XVII в. на лево- и правобережье Енисея, в междуречье Енисея и Чулыма, верховьях Кети с выходами на Сым и Пит. Часть Лихачевых вошла в состав сымско-кетских эвенков, и некоторые из них в XIX в. перешли на левобережье Оби в районе Молчаново — Тунгусово к Васюганским болотам. Те, кто ушел далее — на Демьянку, впоследствии утратили связь с сымско-кетской группой [Максимова, 2016, с. 129–130]. В то же время одна семья Лихачевых была зафиксирована Приполярной переписью 1926–1927 гг. на р. Вельмо — притоке Подкаменной Тунгуски, еще 19 семей Лихачевых указаны как проживающие на трех территориях западнее Енисея — Сымской, Нарымской и Васюганской [Василевич, 1931, с. 134; Туголуков, 1985, с. 253]. Соответственно, не сбрасывая со счетов вариант, что Лихачевы-переселенцы могли начать свой путь к иртышским притокам с левобережья Енисея, считаем, что версия о связи их родины с Подкаменной Тунгуской имеет основания. Кроме того, предложенный И.Е. Максимовой маршрут перехода Оби будущими насельниками Демьянки и Туртаса в пределах современного Молчановского района Томской области, ввиду приведенных сведений переписи 1926–1927 гг., выглядит слишком удаленным на юг. Более логичной кажется линия переселения Сым — Кеть — Васюган с пересечением Оби в границах нынешнего Колпашевского района.

Примерную датировку миграции можно определить на основании возраста переселенцев. Сведения научных публикаций позволяют уточнить, что реальными главами семей переселенцев, скорее всего, были родители вышеуказанных эвенков. Так, по сообщению охотоведа В.В. Васильева, Кузьма и Самсон Лихачевы кочевали у притоков Туртаса вместе с их отцом Константином Ивановичем [1929, с. 32]. И.Н. Шухов прямо указывает, что на Демьянку пришел отец Кинтельяна [1927, с. 203]. Тем не менее сыновья, вероятнее всего, действительно участвовали в

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

переселении, так как они нередко вспоминали о былой жизни на Енисее. О Павле Лихачеве его потомки рассказывали: «*дед все говорил, пойду, мол, обратно на Енисей*» [ПМА, 2004]. Таким образом, можно предполагать, что весь процесс переселения произошел на отрезке 1880–1890-х гг. Этому не противоречит и первое известие об эвенках на Демьянке, относящееся к 1898 г.

Состав, расселение и примерная численность эвенков-переселенцев на 1920–1930-е гг. довольно хорошо реконструируется. Условно переселенцев можно подразделить на три группы: потомки Павла (Ефрема), Константина и Кинтельяна.

1. *Потомки Павла Лихачева.* У Павла к 1930-м гг. было трое взрослых сыновей (Федор, Макар, Семен) и две дочери (Татьяна, Марфа). Большинство его детей вступили в браки с хантами, часть — с русскими. Семейства кочевали по верховьям Туртаса и его правым притокам — Югарасу, Уиме, в районе озер Парфеново и Антурецкое, выходили к рекам демьянского бассейна — Уйму и Катысу. Внучка Павла рассказывала: «*Они сначала пришли на озеро Антурецкое, там какое-то время пожили и вышли на речку Туртаску. Поселились в этой деревне — подстанции Большой Туртас*». В наше время именно многочисленные потомки Павла представляют основную часть эвенкийских жителей Демьянки и Туртаса [Васильев, 1929, с. 32; ПМА, 2000–2012].

2. *Потомки Константина Лихачева.* У Константина к 1930-м гг. было пять взрослых сыновей (Филипп, Айдыш, Кузьма, Самсон, Ксенофонт) и как минимум две дочери (Екатерина, ?). Браки эти семейства также заключали в основном с хантами и русскими, известны они и тем, что воспитывали нескольких приемных русских детей-сирот. Кочевали по верховьям левых притоков Демьянки — Кальчи, Хатысьеги, Жарняковки и Б. Куньяка, в районе р. Калемьяга, выходили к верховьям Туртаса. Большинство внуков Константина умерло, не оставив потомков. Из рассказа русской женщины, удочеренной Самсоном Лихачевым: «*Их много было, я помню. Они поумирали все. Что, у костра, да в чумах, да на снегу спать — дак какое здоровье? Их много было, они все померли. Молодые прямо померли*» [Васильев, 1929, с. 32; ПМА, 2000–2012].

3. *Потомки Кинтельяна.* Семья Кинтельяна с большой долей вероятности также относилась к Лихачевым. На это указывает и его отчество — Ефремович, и то, что в предании их семейство названо по имени старшего представителя — Кинтельяновы (Кинтельяровы), по аналогии с семейством Самсона Лихачева — Самсоновыми. Если бы Кинтельян был носителем другой фамилии, скорее всего, она была бы указана. У Кинтельяна к 1930-м гг. уже умерли родители, он был женат на эвенкийке Гаруль (Лукерье; по некоторым данным, она была одновременно его родной сестрой), имел четырех дочерей юного возраста (Анна, Анисья, Марья, Октябрина). Кочевал в районе верховьев и среднего течения демьянского притока — Урны, выходил к верховьям притоков Иртыша. После смерти Кинтельяна его жена вывезла двух оставшихся в живых дочерей в одну из прииртышских деревень. Сама она вскоре умерла, дальнейшая судьба детей неизвестна [Баранов, 1928, с. 10; ПМА, 2000–2012].

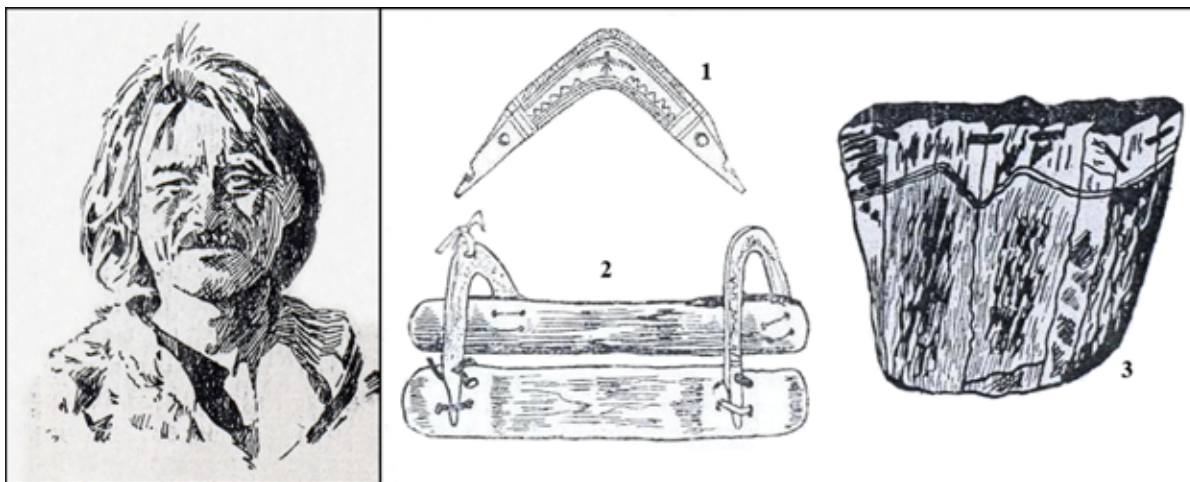
Таким образом, если в число вероятных переселенцев включать самых старших представителей семейств, а также их взрослых детей (с учетом некоторого количества умерших в раннем возрасте), мы получаем примерную численность 2–3 десятка человек. Этот показатель хорошо соотносится с информацией из семейного предания о том, что каждый род переселенцев насчитывал от 5 до 10 чел. Скорее всего, все указанные переселенцы носили фамилию Лихачевых. Это, однако, не исключает временного пребывания на территории бассейнов Демьянки и Иртыша представителей других эвенкийских фамилий, проживавших в Васюганье. Так, этнограф В.А. Туголуков встретил в 1970-е гг. в бассейне р. Тым эвенка Самарова, который рассказал ему, что некоторое время кочевал и охотился в верховьях Демьянки [1985, с. 263].

Особенности традиционной культуры и ее трансформация

На начальном этапе проживания на новой территории переселившаяся группа эвенков характеризовалась высоким уровнем сохранности традиционной культуры (хозяйственный комплекс, жилище, костюм, питание, религиозные представления и пр.) и национального языка. Информация по комплексам традиционной культуры эвенков Нижнего Прииртышья представлена в доступных источниках довольно разрозненно, неравномерно и имеет разную степень достоверности. В связи с этим данный раздел не претендует на полноту и представляет собой лишь общий обзор.

Хозяйственный комплекс локальной группы характеризовался таежным транспортным оленеводством с преимущественной опорой на охотничий промысел, который дополнялся собира-

тельством (ягоды, кедровые орехи), а со второй половины XX в. — рыбной ловлей. Показательно, что в 1920-е гг. семья эвенка Кинтельяна, кочевавшего в 1920-х гг. возле рыбной реки Рагаис, в течение лета страдала от голода, месяцами питаясь почти одними кедровыми орехами [Шухов, 1928, с. 94]. Для поколения, родившегося ранее 1940-х гг., рыболовство так и оставалось непривычным занятием: «*Даже отец мой рыбачить совсем не умеет, хотя живет в основном на рыбе*» [ПМА, 2003].

Рис. Эвенк Кинтельян с р. Урна и его оленеводческое снаряжение:
1 — дужка из оленьего рога для вьючного седла, декорирована изображением гагары; 2 — вьючное седло;
3 — берестяная вьючная сума (по материалам: [Шухов, 1928, с. 47, 94–95]).

Размеры оленьего поголовья у демьянско-туртасских эвенков были сравнительно большие для таежной местности. Так, Константин Лихачев с пятью сыновьями держал стадо в 300 голов, отец Кинтельяна владел 30 оленями. Животные находились под присмотром почти круглогодично. Летом для них оборудовались большие подковообразные дымокуры и примитивные изгороди вокруг стойбища. Отдыхающих животных подкармливали принесенным ягелем. Ограничивающую подвижность животных колодок не применялось, достоверных сведений об использовании пастушеских собак зафиксировать не удалось. Олени применялись для верховой езды и вьючной перевозки, зимой запрягались в нарты. Из связанных с содержанием оленей предметов отмечены изготовленные из дерева и рога оленя седла, а также берестяные вьючные сумки. Пастбища в районе Демьянки и Туртаса, по словам юганских хантов, была малоприспособлена для полноценного выпаса оленей, по этой причине им приходилось прилагать значительные усилия для удержания своих стад в пределах этой территории. С другой стороны, сохранности поголовья здесь способствовало длительное отсутствие волков в первой половине XX в. Во второй половине XX в. молодое поколение эвенков уже не хотело заниматься оленеводством, поэтому домашние стада были довольно быстро потеряны. В качестве транспортной замены эвенки в течение нескольких десятилетий с успехом использовали запряженных в нарты собак [Белоногов, 1928, с. 107; Васильев, 1929, с. 32–33; Шухов, 1928, с. 54, 94–95; ПМА, 2000–2012].

Охотничий промысел эвенков имел мясо-пушную направленность, обычной добычей были лось, северный олень, медведь, боровая птица, белка и другие пушные животные. Для промысла мелкого зверя применялись различные ловушки, крупного в основном добывали активными способами. В качестве орудий охоты эвенки с раннего периода заселения использовали охотничье оружие. В частности, у Кинтельяна в 1920-е гг. имелся штуцер 28-го калибра с прямыми нарезами в стволе, сделанными им лично. Для снаряжения заряда эвенк использовал изготовленные из оленьего рога пороховую мерку и приборчик для досыпания пуль в дульную часть, а также деревянные пулелейки. В 1930-е гг. у эвенков еще был в ходу охотничий лук, у которого один из слоев был еловый. Популярным орудием промысла эвенков долгое время являлась также пальма. И.Н. Шухов описал экземпляр с односторонним брюшистым клинком, насаженным на березовое ратовище [Баранов, 1928, с. 8; Белоногов, 1928, с. 107; 1928, Шухов, 1928, с. 69; 1927, с. 206; РГАЭ, ф. 342, оп. 3, д. 6, л. 18–20; ПМА, 2000–2012].

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

В качестве жилища эвенки часто использовали односкатный навес, крытый берестой. По воспоминаниям, отраженным в приведенном историческом предании, ранее зимним укрытием им служил шалаш. Полевые материалы свидетельствуют, что нередкими для эвенков даже во второй половине XX в. были зимние ночевки под открытым небом около костра. Чтобы не замерзнуть, иногда использовали своеобразные спальные мешки из оленьих шкур, которые ночью надевали на ноги (*курман*). В дальнейшем эвенки довольно быстро освоили строительство срубных избышек, оборудованных железными печками. Своеобразную сферическую каркасную постройку, напоминающую жилую, представлял шалаш для дымления лосиных и оленьих шкур. Остов его изготавливался из согнутых черемуховых прутьев [Шухов, 1928, с. 47, 95; ПМА, 2000–2012].

Любопытные описания сезонных стойбищ демьянско-туртасских эвенков-оленоводо-водов представлены в дневниковых записях Л.Г. Капланова. Он, в частности, описал покинутое зимнее стойбище в верховьях р. Б. Куньяк, располагавшееся у края болота на одном из последних островов материка, покрытом редким березняком. На месте стоянки находились постели из лапника, кострища с таганами, деревянные сушилки для одежды, нарубленные палки неясного назначения и большое количество лосиных костей. Олени, судя по следам, выпасались на ближайшем болоте. Проложенные вдоль русла р. Б. Куньяк оленьи дороги были отмечены затесками с одной стороны дерева, близко от земли. Летние стоянки также размещались на кедровых или березовых островках по краям болот. Отличительной особенностью их было наличие односкатных навесов с постелями из лапника. Рядом находились кострища с таганами, изготовленными из изогнутых сосенок, и места лежек домашних оленей с оборудованными дымокурами [РГАЭ, ф. 342, оп. 3, д. 6, л. 18–20].

Из транспортных средств у эвенков отмечены лодки-долбленки (*обласа*), нарты и лыжи. Описания каждого из них зафиксированы в форме сравнения с хантыйскими аналогами. Корпус долбленки эвенки разводили, нагревая на огне; нос лодки обрезался короче, чем у хантов, благодаря чему лодка имела более бесшумный ход. Полозья ездовых нарт эвенки изготавливали из сосны, ханты — из березы. На месте сгиба (полоза?) отверстие делали сверху, а не снизу. Иногда для транспортировки лосиного мяса зимой использовался специальный мешок, сшитый из камусов, который волокли за собой. Отличительной чертой эвенкийских лыж были крепления на ремнях (*юксы*), тогда как у хантов использовались деревянные дужки. Кроме того, эвенки для закрепления лосиного камуса на лыжах применяли клей из лосиных жил, а не из рыбных отходов, как ханты. Жильный клей был более водостойкий. И.Н. Шухов добавляет к описанию тунгусских лыж, что они были шире и короче остяцких (например, 1,8×0,24 м), изготавливались из ели, под юксами у них прикреплялись куски бересты, чтобы меньше прилипал снег. Среди русских охотников верховьев Демьянки тунгусские лыжи ценились больше остяцких за легкость и ходкость. В летнее время для хождения по болоту использовались деревянные лыжи-голицы [Шухов, 1928, с. 74; ПМА, 2000–2012].

В первой половине XX в. у эвенков сохранялись такие традиционные элементы одежды, как меховая парка и декорированный нагрудник. Уже в 1950-е гг. привычной верхней одеждой стали фабричные фуфайки, но некоторые детали костюма продолжали оставаться узнаваемыми. Так, отличительной особенностью эвенков по сравнению с соседями — юганскими хантами долгое время была обувь — короткие сапоги (*локоми*) и кисы несколько иной формы, нежели хантыйские. Свой длинный охотничий нож эвенки носили привязанным к ноге, а не на поясе [Баранов, 1928, с. 9; Шухов, 1927, с. 206; ПМА, 2000–2012].

Зафиксировано три эвенкийских инструмента для выделки шкур: 1) двуручный скобель с продольным лезвием (*кадро* или *кыдэро*); 2) металлическое г-образно изогнутое кольцо для снятия балони (*удуэн*); 3) кольцо с зубринами для снятия больших фрагментов ткани и разминания шкуры (*тютюн*). Два последних инструмента были снабжены деревянной рукоятью, в торце которой закреплялось лезвие. Эти инструменты — одни из немногих традиционных предметов, сохранившихся у демьянско-туртасских эвенков до наших дней. В отличие от хантов, эвенки специально коптили шкуры для придания им водоотталкивающих свойств. Как уже указывалось, для этого использовали специальный навес, который накрывали шкурами. Копчение сырым деревом обычно продолжалось в течение трех дней [Шухов, 1928, с. 48, 94–95; ПМА, 2000–2012].

Среди прочих рабочих инструментов эвенков — чесалка для травы (возможно, заимствованная у юганских хантов); стружок (*ирыпчина*); провертка с поперечной деревянной ручкой

(паруптяна). Из берестяной утвари использовались неорнаментированные куженьки, туески-набирки, кузова. В качестве кухонной посуды для вычерпывания из котла применялся деревянный ковш (ипкан).

Характерной особенностью культуры демьянско-туртасских эвенков был шаманизм. Шаманами были представители трех поколений рода Лихачевых — Павел, его сын и внук. Среди шаманских атрибутов отмечены костюм (халат и шапка), железный посох, палочка для касания людей и различные амулеты (в том числе железное изображение щуки). Данных об использовании бубна не зафиксировано. Шаманы выполняли функции лечения, снятия порчи и предсказания (в том числе определяли сроки и место удачного промысла), причем их услугами пользовалось население разных этнических групп (см. также: [Адаев, 2008]).

К концу XX в. потомки эвенков-переселенцев на Демьянке и Туртасе почти полностью утратили особенные этнические черты в материальной и духовной культуре, образе жизни, перестали использовать в общении национальный язык.

Межэтнические отношения и идентичность

Хотелось бы вначале заострить внимание на направлении миграции рассматриваемой группы эвенков — с востока на запад. Как ни парадоксально, их переселение в бассейны Демьянки и Туртаса, где активно промышляли местные хантыйские рыболовы и охотники, ханты-оленоводы с р. Б. Юган, а также представители различных народов-переселенцев (русские, чуваша и др.), было обусловлено поисками свободных промысловых угодий. Легкость проникновения эвенкийских оленеводов на уже заселенные сибирские территории обусловлена тем, что они осваивали незанятые ареалы водораздельных болот, вкраплялись в свободные ниши, минимизируя тем самым потенциальную конкуренцию за потребляемые природные ресурсы. По этой же причине эвенки на долгое время оказывались на таких новых территориях в качестве «невидимых сообществ», чье присутствие практически никак не отражалось в официальной документации.

Показательно, что перепись 1897 г. не зафиксировала ни одной тунгусской семьи в Нарымском крае. Как отмечал в 1920-е гг. исследователь М. Слободский, определить их точное количество в крае не представлялось возможным, *«так как они постоянно переходят с одного места на другое, не считаясь с границами округов; к тому же они кочуют в междуречьях [выделено мной — А.В.], малодоступных для исследования, и избегают приближаться к берегам рек, к населенным пунктам»* [Слободский, 1929, с. 24]. Последняя фраза требует, однако, уточнения: речь идет все-таки не об изолированном проживании в глуши: в силу мобильности, способности к быстрой адаптации эвенки на многих территориях проявляли высокую степень социальной активности. В том же демьянско-туртасском ареале они демонстрировали широкий круг межэтнических брачных связей, налаженные контакты со всеми соседями, обширную сеть путей сообщения с внешним миром.

Обращают на себя внимание русская фамилия и имена большинства эвенков уже первого поколения переселенцев, их умение неплохо говорить по-русски [Баранов, 1928, с. 8; ПМА, 2000–2012]. Это свидетельствует, во-первых, о довольно давнем обращении представителей фамилии в христианство, а во-вторых, позволяет предполагать, что на протяжении нескольких поколений семьи переселенцев поддерживали контакты с русским населением, посещали поселковые церкви или встречались с миссионерами. Крещение безусловно носило формальный характер, так как эвенки Нижнего Прииртышья оставались на деле язычниками.

Ввиду малочисленности на новой территории, демьянско-туртасские эвенки вынуждены были с самого начала активно вступать в брачные связи с другими этническими группами. Причем, если до середины XX в. они искали брачных партнеров в основном среди хантыйского населения, то во второй половине века переключились на более престижные в их понимании браки с чувашами и русскими. При этом многие потомки от смешанных браков на протяжении нескольких поколений продолжали относить себя к эвенкам, точнее — к тунгусам. На Демьянке было зафиксировано любопытное рассуждение об отличиях местных тунгусов от прочих эвенков, живущих восточнее: *«Эвенки — это люди, у которых в основном рыбалка и оленеводство. А у тунгусов — оленеводство и промысел, а рыбалкой у тунгусов мало охотников занимается»* [ПМА, 2003].

Проведенное ранее специальное исследование (см. подробнее: [Адаев, 2011]) позволило выявить те культурные границы (барьеры), которые долгое время надежно поддерживали

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

идентичность демьянско-туртасских эвенков несмотря на активное смешение с окружающими этническими группами: бродячий образ жизни, неприхотливость в тяжелых условиях существования, специфическое питание, язычество (в том числе институт шаманства), сохранявшиеся даже у потомков яркие антропологические особенности, статус представителя коренного населения (гарантировавший получение определенных благ и льгот).

На раннем этапе проживания эвенков на новой территории их почти бесконфликтное сосуществование с соседями во многом обеспечивалось тем, что они занимали свободную экологическую нишу на обширных водораздельных болотах. Хозяйственная специализация и культурные особенности группы являлись прочной основой взаимовыгодных торгово-обменных отношений с соседями, что само по себе поддерживало имеющиеся различия. В итоге эвенки приобретали у русских и чувашей предметы ремесленного производства, ткани, табак, продукты питания (муку, хлеб, соль), те у них — промысловую обувь, лыжи-подволоки, обласа, пушнину, рыбу и мясо.

Вместе с тем поводом для выражения серьезного недовольства со стороны соседей неоднократно становилось присущее эвенкам неосторожное обращение с огнем — они имели обыкновение устраивать большие открытые дымокуры для своих оленей и носить с собой по тайге тлеющие угли для защиты от гнуса [Васильев, 1929, с. 33; ПМА, 2010]. Очевидно, что территориальная удаленность эвенков вновь являлась в этом случае надежным препятствием для частых столкновений.

Со второй половины XX в. эвенки утратили оленеводство и стали быстро сближаться с соседями в культурном отношении (образ жизни, хозяйство, материальная культура, язык и т.д.). Список культурных барьеров, поддерживавших их этническую идентичность, соответственно претерпел существенные изменения и к настоящему времени может быть представлен в следующем виде: национальная гордость (у эвенков выявлено самое глубокое среди местных жителей знание родословной и истории жизни предков); статус представителя коренного населения; антропологические особенности; специфические черты поведения (тяга к частой перемене мест, активная социальная позиция).

Резюмируя, можно сказать, что исследование позволило не только впервые представить обобщенную информацию по истории и культуре эвенков Нижнего Прииртышья, но и сделать ряд важных выводов. Во-первых, раскрыта важная роль специфических ландшафтных предпочтений эвенков-оленоводо: использование маловостребованных водораздельных болотных территорий позволяло им относительно легко вкрапляться в ареалы, уже заселенные другими сибирскими народами. Во-вторых, более чем вековой опыт сохранения этнической идентичности у малой группы в условиях интенсивных внешних контактов скрывает за собой изменяющийся набор прочных культурных барьеров (границ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы В.Н. Адаева. 2000–2012гг.

РГАЭ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 6. Дневник Демьянского биопункта Уральской биостанции, 19.09.1934–28.03.1935.

Литература

Адаев В.Н. Шаманы и шаманство эвенков Нижнего Прииртышья // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 42–46.

Адаев В.Н. «А остяки — они же любители одиночества...»: Этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX–XXI вв. // УИВ. 2011. № 2. С. 63–72.

Баранов В.И. Почвы и растительность Демьян-Иртышского водораздела в бассейне рр. Урны и Утугаса // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 1–70.

Белоногов Т.П. О Тарском Васюганьи и переходах через него (по сведениям, полученным от промышленников) // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 99–114.

Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Сов. Север. 1931. № 10. С. 133–145.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тоб. Гостинография, 1929. 36 с.

Капланов Л.Г. Биология и промысел лосей в бассейне реки Демьянки // П.Б. Юргенсон, Л.Г. Капланов, А.А. Книзе. Лось и его промысел: (Распространение, экология и промысел лосей). М.: Изд-во Главпушныны НКВТ, 1935. С. 103–125.

Максимова И.Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5. С. 128–132.

Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 95–191.

Слободский М. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края. Томск, 1929. 30 с.

Туголуков В.А. Давние связи тунгусов с тюрками и уграми на Иртыше и Оби // Фольклор, литература и история Востока: Материалы III Всесоюз. тюркол. конф. Ташкент: Фан, 1984. С. 397–402.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 286 с.

Шухов И.Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сиб. ветеринар. ин-та. Омск, 1927. Вып. VIII. С. 201–207.

Шухов И.Н. Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.

Janko J. Utazas Osztjakfoldre 1898. Budapest: Neprajzi Museum, 2000. 400 p.

V.N. Adaev

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: whitebird4@yandex.ru

THE EVENKS OF THE LOWER IRTYSH VALLEY: A SMALL COMMUNITY ON THE PERIPHERY OF THE ETHNIC AREA

The paper presents the first compilation of information on the history and culture of the Evenks of the Lower Irtysh valley. Comparison of different information sources allowed to argue on reasonable grounds that several Evenk family groups named Likhachev and consist of 20–30 individuals migrated from Turukhansky Krai to the Demyanka-river and Turtas-river valleys in the last decades of the 19th century. The migration was caused by the need of finding unoccupied hunting grounds. The migrants were initially characterized by well-preserved traditional culture, they led a nomadic existence and relied primarily on transport reindeer herding and hunting. The easy penetration of this community into the territory, which was already populated by other Siberian ethnic groups, was due to their occupation of vacant areas of watershed swamps. Being small-numbered the Evenk migrants were compelled to look for marriage partners among neighboring ethnic groups from the very beginning of their relocation. By the end of the 20th century, they lost their language and almost all of their traditional ethnic characteristics. However, their ethnic identity persisted, due to a specific set of strong cultural boundaries, the composition of which have been evolved over time.

Key words: Western Siberia, ethnic identity, cultural boundaries, migration, nomads, taiga reindeer husbandry.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-100-109

REFERENCES

Adaev V.N., 2008. Shamany i shamanstvo evenkov Nizhnego Priirtysh'ia [Shamans and shamanism of Evenks of the Lower Irtysh valley]. *Rossia mezhu proshlym i budushchim: Istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiia*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 42–46.

Adaev V.N., 2011. «A ostiaki — oni zhe liubiteli odinochestv...»: Etnicheskaia identichnost' i etnicheskie stereotipy u naseleniia reki Dem'ianka v XX–XXI vv. [«And the Ostyaks — they are the lovers of solitude...»: Ethnic identity and ethnic stereotypes of the Demyanka-river population in the 20th–21st centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 63–72.

Baranov V.I., 1928. Pochvy i rastitel'nost' Dem'ian-Irtyshskogo vodorazdela v basseine rr. Urny i Utugasa [Soils and vegetation of Demyan-Irtysh watershed of the Urna-river and Utugas-river valleys]. *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasiugan'ia*, Novosibirsk, pp. 1–70.

Belonogov T.P., 1928. O Tarskom Vasiugan'i i perekhodakh cherez nego (po svedeniiam, poluchennym ot promyshlennikov) [About the Tara Vasyugan-river area and routes through it (according to the information received from hunters)]. *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasiugan'ia*, Novosibirsk, pp. 99–114.

Vasilevich G.M., 1931. K voprosu o tungusakh, kochuiushchikh k zapadu ot Eniseia [On the question of the Tunguses, wandering to the west of the Yenisei-river]. *Sovetskii Sever*, no. 10, pp. 133–145.

Vasilevich G.M., 1969. Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.) [Evenks: Historical and ethnographic essays (18th — beginning of 20th century)], Leningrad: Nauka, 304 p.

Vasil'ev V.V., 1929. *Reka Dem'ianka: Ekonomiko-etnograficheskii ocherk* [The Demyanka river: Economic and ethnographic essay], Tobol'sk: Tobol'skaia Gostipografiia, 36 p.

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

Kaplanov L.G., 1935. Biologija i promysel losei v basseine reki Dem'ianki [Elk biology and hunting in the Demyanka-river valley]. P.B. Iurgenson, L.G. Kaplanov, A.A. Knize. *Los' i ego promysel: (Rasprostranenie, ekologija i promysel losei)*, Moscow: Izd-vo Glavpushnina NKVT, pp. 103–125.

Maksimova I.E., 2016. Arkhivnye materialy kak istochnik po etnogenezu symsko-ketskikh evenkov [Archival materials as a source on the ethnography of the Evenks of the Sym-river and Ket-river]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorija, no. 5, pp. 128–132.

Pirozhnikov G.A., 2002. Ob'-Irtyskii Sever: Etnograficheskii ocherk [Ob-Irtys North: An ethnographic essay]. *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii Sever*, Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 95–191.

Slobodskii M., 1929. *Itogi i zadachi etnograficheskogo izucheniia Tomskogo kraia* [Results and tasks of the ethnographic study of Tomsk region], Tomsk, 30 p.

Tugolukov V.A., 1984. Davnie sviazi tungusov s tiurkami i ugrami na Irtyshe i Obi [Long-term relationships of the Tunguses with the Turkic and Ugric peoples in the Irtyshe-river and Ob-river valleys]. *Fol'klor, literatura i istoria Vostoka: Materialy III Vsesoiuznoi tiurkologicheskoi konferentsii*, Tashkent: Fan, pp. 397–402.

Tugolukov V.A., 1985. *Tungusy (eveny i evenki) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tunguses (Evens and Evenks) of Central and Western Siberia], Moscow: Nauka, 286 p.

Shukhov I.N., 1927. Poslednie sledy ugasshego olenevodstva v Tarskom okruge [The last traces of the extinct reindeer husbandry in the Tara region]. *Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta*, vol. 8, Omsk, pp. 201–207.

Shukhov I.N., 1928. Okhotnichii promysel v severnoi chasti Tarskogo okruga [Hunting in the northern part of the Tara region]. *Materialy k poznaniiu okhotnich'ego dela Zapadnoi Sibiri*, vol. 2, Omsk, pp. 33–98.

Janko J., 2000. *Utazas Osztyakfoldre 1898*, Budapest: Neprajzi Museum, 400 p.